

Террористические атаки на Брюссель стали возможными в том числе благодаря неготовности европейских спецслужб противостоять новой волне радикалов, активно пользующихся современными достижениями европейской цивилизации, включая свободу коммуникаций в широком смысле этого слова. Насколько это опасно? Как стало известно агентству Associated Press, «Исламское государство» подготовило в Сирии и Ираке от 400 до 600 боевиков с целью совершения атак в Европе. Они объединены в группы и уже распределились по Германии, Великобритании, Италии, Дании и Швеции. Повторение пройденного.

Случившееся в Брюсселе во многом повторило недавние события в Париже: террористическая атака против гражданских объектов, защита которых оказалась недостаточной. Можно долго обсуждать, как террористам со взрывчаткой удалось проникнуть в аэропорт, – это уже ничего не меняет. Равно как усиление мер безопасности в аэропорту – в следующий раз атакуют какой-то другой объект. Вероятность «следующего раза» достаточно велика – даже недвусмысленное предупреждение в виде терактов в Париже и выявление в Бельгии разветвленной сети террористов не заставило Брюссель озаботиться проблемами безопасности настолько, чтобы хотя бы исключить проникновение в аэропорт человека со взрывчаткой и автоматом, и список потенциальных целей аэропортом отнюдь не исчерпывается. Менять придется подход к системе безопасности в целом.

Следует признать, что в развитии контртеррористических структур Европа на несколько десятилетий отстает от задающих тон в этом деле Израиля, США и России. На континенте нет единой антитеррористической структуры, располагающей административными и материальными ресурсами для проведения операций в границах ЕС. Так или иначе, несмотря на все европейское единство, в случае столкновения с реальной угрозой полицейские силы стран-членов ЕС резко ограничены в своих возможностях: границы, формально не существующие для граждан, капитала (и террористов заодно), вполне реальны для полиции. На низовом, тактическом уровне проблема сводится к отсутствию у большинства европейских полицейских опыта столкновения с реальной современной террористической угрозой на собственной территории. В России этот опыт, обретенный очень дорогой ценой, помог оформить национальный антитеррористический комитет и режим КТО – контртеррористической операции. Особенность КТО – рычаги управления в одних руках, что позволяет не тратить время на межведомственное согласование, а это – половина успеха.

Кастрюля на огне

Методы борьбы в целом достаточно ясны, проблема не столько в методах, сколько в возможности их применения. Ключевой вопрос: чего хотят террористы? Атаки одиночных ячеек способны породить панику, страх, ненависть, но не могут вызвать глобальных изменений вроде тех, что произошли после атаки 11 сентября 2001 года. Во-первых, эта атака спровоцировала «вечную» (в контексте современной политики)

войну на Большом Ближнем Востоке для США и их союзников, сделав слово «Запад» синонимом слова «враг» на поколения вперед. Во-вторых, обеспечила достаточно быстрые негативные перемены в политической и общественной жизни США, сегодня весьма отдаленно похожей на ситуацию 70-, 40- и даже 30-летней давности. Это, впрочем, скорее средство, чем цель: осенью 2001 года кастрюлю поставили на огонь и заварили суп, рецепт которого нам до сих пор неизвестен.

Можно долго спорить, была ли нынешняя ситуация безальтернативной, но так или иначе политика США и их союзников усилила хаос в регионе, что увенчалось так называемой «арабской весной» (и миру еще крупно повезло, что в ливийском или сирийском режиме не успел взорваться 90-миллионный Египет, контролирующий Суэцкий канал).

Политический потенциал терактов 11 сентября, если отстраненно посмотреть на ситуацию глазами предполагаемых бенефициаров, во многом выработан, а для дальнейшей трансформации необходима новая атака схожего или более серьезного масштаба, способная заставить Запад и прежде всего Европу, непосредственно соседствующую с исламским миром, либо коренным образом видоизмениться, либо пойти на сделку ради собственной безопасности.

Почему в Европе? Ответ прост: повторить крупный теракт в США или провести его в России куда труднее: во-первых, особенности обоих государств сильно ограничивают возможности террористов, а во-вторых, Европа многими идеологами терроризма воспринимается как наиболее уязвимая цель.

Выбор цели

Большая по сравнению с Россией уязвимость Европы обусловлена и большей концентрацией объектов, представляющих интерес для потенциальных авторов «мегатеракта» в сочетании с меньшими площадями зон безопасности. В некоторых местах создать полноценные зоны безопасности в принципе невозможно. И все же ряд объектов стоит исключить из списка потенциальных угроз. Так, вряд ли террористы атакуют АЭС: квалифицированный захват станции и подрыв реактора – задача настолько сложная, что подготовка к ее решению просто не может пройти мимо внимания спецслужб. Вообще, рассматривать возможные террористические атаки стоит именно с точки зрения максимальной простоты замысла и минимума промежуточных этапов для реализации.

Вероятным представляется уже рассматривавшийся и специалистами, и в прессе сценарий взрыва транспорта со взрывчаткой в крупном порту, скажем, Нидерландов или той же Бельгии. Возможная вариация – захват и подрыв танкера (хотя это достаточно сложно), не исключена, наконец, и массированная атака нескольких групп террористов на гражданский объект в стиле Беслана-2004, только масштабнее по жертвам. Еще вероятнее одновременная или проведенная в течение короткого отрезка времени серия атак на слабозащищенные объекты, для которых теракты типа парижского и бельгийского были «репетициями».

Прозрачность европейских границ в сочетании с разъединенностью сил безопасности повышает вероятность успеха такого нападения. Европейская политика в отношении мигрантов явно умножает число потенциальных исполнителей подобных акций. Это может показаться диким, но не в логике бюрократических структур (а современный ЕС представляет собой именно совокупность бюрократий в первую, вторую и третью очередь). По их логике все выглядит иначе: а) радикальные изменения в системе обеспечения безопасности грозят пересмотром сложившегося баланса сил в системе

управления, а потому опасны; б) ухудшающуюся ситуацию необходимо игнорировать до тех пор, пока это возможно: принятие решений также грозит привычному образу жизни, а потому опасно.

С подобной ситуацией Европа уже сталкивалась в 1930-х годах, и тактика «не решать ничего» привела к аншлюсу Австрии, мюнхенскому сговору и, наконец, к оккупации гитлеровской Германией большей части Европы и перерастанию локального внутриевропейского конфликта в глобальный. После Второй мировой войны человечество выработало некий набор страховочных средств и стандартизированных процедур реакции на межгосударственные военные конфликты – от миротворцев ООН до систем ядерного сдерживания. Эти процедуры вызвали затяжной кризис в отношениях Европы и России в связи с событиями на Украине, однако никто не может дать ответ на вопрос «что делать» в случае запрещенного в России террористического «Исламского государства», представляющего собой аморфную, анонимизированную структуру.

А его «армия» уже вошла в Европу, причем многие из «солдат» родились в ЕС еще до того, как «Исламское государство» стало реальностью.

Илья КРАМНИК (www.lenta.ru)